

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-4-6-15

Российско-монгольские отношения и китайский фактор: современные трансформации

С.Г. Лузянин

Аннотация. В статье освещаются современные российско-монгольские и монголо-китайские отношения в период 2013–2022 гг., в том числе в политико-дипломатических, торгово-экономических, транспортно-энергетических и гуманитарных сферах, а также влияние китайской инициативы «Один пояс, один путь» на взаимодействие в треугольнике «Россия – Монголия – Китай». Исследуются процессы трансформации российско-монгольских связей как до запуска этого проекта в 2013 г., так и после него. Автор анализирует монгольское общественное мнение в отношении российской специальной военной операции (СВО) на территории Украины, выделяются основные реакции населения Монголии, а также степень возможного пересмотра официальной позиции Улан-Батора на украинские события, объективные препятствия для демонтажа Монголией дружественных отношений с РФ и подключения к антироссийским санкциям.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, «Один пояс, один путь», безопасность, торговля, «третий сосед», транспортные коридоры, транзит, энергетика.

Автор: Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); профессор департамента зарубежного регионоведения, Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20). ORCID: 0000-0001-9578-6023; E-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лузянин С.Г. Российско-монгольские отношения и китайский фактор: современные трансформации // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 4. С. 6–15. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-4-6-15

The Russian-Mongolian relations and Chinese factor: modern transformations

S.G. Luzyanin

Abstract. The article highlights modern Russian-Mongolian and Mongolian-Chinese relations in the period 2013–2022, including political, diplomatic, trade, economic, transport, energy and humanitarian spheres, as well as the impact of the Chinese Belt and Road Initiative on the interaction in the triangle “Russia – Mongolia – China”. The processes of transformation of the Russian-Mongolian relations are investigated, both before the launch of the Initiative in 2013 and after it. The author analyzes Mongolian public opinion on the Russian special military operation (SMO) in Ukraine and highlights the main reactions

of its population, as well as the possibilities of transformation of Ulaanbaatar's official position on the Ukrainian events, objective obstacles for Mongolia to dismantle friendly relations with the Russian Federation and connect to anti-Russian sanctions.

Keywords: Russia, Mongolia, China, Belt and Road Initiative, security, trade, Third Neighbor, transport corridors, transit, energy.

Author: *Luzyanin Sergey G.*, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Oriental Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Professor of the School of International Regional Studies, National research university "Higher school of economics" (HSE University) (address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9578-6023; E-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Luzyanin S.G. (2022). Rossiysko-mongol'skie otnosheniya i kitayskiy faktor: sovremennye transformacii [The Russian-Mongolian relations and Chinese factor: modern transformations], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 4: 6–15. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-4-6-15

Введение

Исторические трансформации российско-монгольских отношений после многолетнего союзничества с СССР и почти полного ухода России из Монголии в начале 1990-х гг. объективно вывели их на новый уровень взаимодействия. Эпоха безвозвратных советских дотаций и защиты от китайского давления для Монголии закончилась. В условиях формирования российско-китайского стратегического партнёрства, приоритетного для Москвы, отношения с Улан-Батором в 2000-х гг. плавно вписывались в обновлённый треугольник «Россия – Монголия – Китай», который в свою очередь находился под прессом «третьего соседа» (США, ЕС, Южная Корея, Япония) – нового монгольского приоритета, официально вошедшего во внешнеполитическую стратегию модернизированной демократической Монголии.

В 1990–2000-е гг. КНР довольно успешно противостояла «третьему соседу» в экономической и торгово-инвестиционной сферах, постепенно вытесняя его из ключевых минерально-сырьевых и транспортных сегментов Монголии. Этот процесс усилился после запуска в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь», в рамках которой фактически началась интеграция российского и монгольского компонентов в инфраструктурных и энергетических (транзитных) коридорах («Сила Сибири – 2» / «Союз Восток»).

Встреча российского президента В.В. Путина, председателя КНР Си Цзиньпина и президента Монголии У. Хурэлсуха, состоявшаяся 15 сентября 2022 г. на полях саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Самарканде, не только политически расширила транспортный и энергетический треугольник «Россия – Монголия – Китай», но и определила важное стратегическое место Монголии в российской парадигме «поворота на Восток» и расширяющегося российско-китайского стратегического партнёрства.

Автор ставит задачу осветить в статье двусторонние российско-монгольские и монголо-китайские политические, торгово-экономические отношения, выявить препятствия для их развития, возможности их устранения, а также проанализировать специфику китайского влияния на треугольник «Россия – Монголия – Китай». Помимо прочего, в фокусе авторского внимания – реакция монгольских элит и всего общества на

украинские события и вероятность её реконструкции в антироссийскую позицию и демонтаж дружественных двусторонних отношений.

Российско-монгольская модель

Российский «полюс» в треугольнике «Россия – Монголия – Китай» после 1991 г. уже не позиционировался в прежнем качестве, когда СССР, а до него Российская империя политически и идеологически активно противостояли влиянию Китая. Уровень российско-монгольских отношений, оформленных Договором 1993 г.¹, снизился с союзнического уровня до формата «добрососедских» отношений.

Как было отмечено выше, в 1990-е гг. во внешней политике Монголии появился «третий сосед», объединивший США, ЕС, Южную Корею и Японию. Традиционная субрегиональная российско-монголо-китайская система была демонтирована этим фактором, в котором ведущую роль играли США и Япония, организовавшие финансово-экономическую и «донорскую» помощь Монголии. В стране фактически сложилось два конкурирующих «центра»: с одной стороны, Россия и Китай, с другой – США и их союзники.

Инвестиционная деятельность российских компаний в отличие от китайских и западных была скорее инерционной, чем наступательной и активной. Совместные с Монголией проекты по добыче молибдена и медного концентрата создавали для России некий «успокоительный эффект», а её бизнес не был готов к проникновению в новые, крупные, стратегические угольные («Таван Толгой» и др.) и медные («Оюу Толгой» и др.) месторождения.

Важным был относительно новый инвестиционный трек по разработке урановых месторождений. Ещё советские геологи исследовали 17 залежей этого ценного минерала и разработали варианты его добычи. Однако после 2012 г. проект по желанию монгольской стороны и, видимо, под давлением западных, китайских и японских конкурентов был законсервирован. Российский бизнес в тот период был не готов вести в Монголии жёсткую конкурентную борьбу, а после 2016 г. и его доли в совместных предприятиях были проданы монгольской стороне. Изменилась мировая ценовая конъюнктура, и основной продукт данных предприятий шёл не в РФ, а в страны «третьего соседа» и Китай. Такие экспортные сырьевые маршруты Монголии сложились в 1990-е гг., и изменить их России было чрезвычайно сложно.

Москва сделала ставку на транспортные, транзитные компоненты своей монгольской стратегии с подключением Китая и ориентацией на модернизацию старых и создание новых инфраструктурных проектов, развитие углеводородного транзита через планируемый газопровод «Сила Сибири – 2» / «Союз Восток».

Политические отношения двух стран связаны с сохранением исторической дружбы и сотрудничества российского и монгольского народов и укреплением нынешнего добрососедства и взаимодействия. Российско-монгольский договор 2019 г. о стратегическом партнёрстве носит бессрочный характер, что крайне важно в нынешнюю непредсказуемую политическую эпоху. В ходе визита президента РФ В.В. Путина в Монголию в сентябре

¹ Договор от 20 января 1993 г. о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=31150&ysclid=19pltyusx2102606892> (дата обращения: 20.10.2022).

2019 г. был подписан также ряд межправительственных соглашений, затрагивающих сотрудничество в области борьбы с терроризмом, межрегиональное и приграничное взаимодействие, возобновлено действие договора об оказании Монголии безвозмездной военно-технической помощи, впервые подписанного в 2004 г. [Базаров 2019].

Открытым вопросом какое-то время оставался «Большой долг» Монголии, т.е. проблема возвращения РФ средств, полученных ещё от СССР. Монгольские эксперты считают, что за период с начала 1960-х гг. и до 1990 г. общий долг вырос на 68 %, составив к 1991 г. 10,7 млрд долл. [Ганзориг 2001: 225, 227]. Итоговая сумма на 2000 г. по оценкам экспертов составила 11,6 млрд долл. [Родионов 2009: 109]. Очевидно, что выплатить такой объём средств Монголия была не в состоянии, поэтому Россия, учитывая дружественный характер отношений, не требовала его единовременного погашения. Более того, в 2004 г. Москва пошла на официальное аннулирование 98 % долга. Монголии оставалось выплатить только 250 млн долл. по текущим процентам.

Списание «Большого долга» положительно сказалось на динамике двусторонних отношений. В 2016 г. президент РФ В.В. Путин окончательно закрыл этот вопрос, аннулировав из оставшихся 250 млн долл. ещё 97 % (174,2 млн долл.), закрыв таким образом долговую страницу истории советско-монгольских отношений.

Определённый политический резонанс имела проблема российско-монгольских энергетических отношений в 2016 г. Монгольское руководство планировало построить несколько ГЭС на монгольских участках Селенги, что могло повлиять на экологические балансы Байкала. В ходе двусторонних переговоров вопрос был урегулирован, Россия предложила расширить энергетические поставки для компенсации дефицита монгольского энергобаланса.

В конце 2019 – начале 2020 г. страны совместно приступили к практической разработке проекта «Сила Сибири – 2». Были рассмотрены различные варианты маршрутов, возможности монгольской, российской и китайской сторон, определены оптимальные сроки. Специализированная компания «Союз Восток» приступила к оформлению технико-экономического обоснования транзитного газопровода.

Увеличению российско-монгольской торговли продолжают препятствовать высокие таможенные барьеры, тарифы на монгольский экспорт, а также ряд нетарифных ограничений на поставки мяса и мясопродуктов. Российская сторона может пойти на некоторые преференции, снизив тарифы и таможенные пошлины, чтобы увеличить импорт высококачественных монгольских товаров, пользующихся спросом в России. Очевидно, необходима диверсификация и российской, и монгольской товарной структуры, поиски новых товарных групп, которые качественно и количественно расширили бы двусторонние связи.

Инвестиционный вклад России в Монголии составляет всего 2 % от всех иностранных инвестиций на 2021 г. При этом монгольские опросы общественного мнения свидетельствуют, что среди всех государств в качестве главного желаемого партнёра страны с большим отрывом лидирует Россия. Так, по данным экспертов, в 2018 и 2019 гг. высказались 69,8 % и 70 % опрошенных соответственно. Китай в этом опросе получил всего 0,8 % и 2,4 % голосов жителей Монголии, Япония – 5,9 % и 7,3 %, а США – 6,3 % и 5,6 %. Причины таких оценок – сохранившийся в массовом сознании монголов позитивный исторический опыт дружбы с Россией и большая советская помощь, вне идеологических

и политических факторов. Всё это, по мнению монгольских специалистов и простых граждан, создаёт чрезвычайно благоприятную инвестиционную и психологическую среду для российского бизнеса, которая пока не используется².

Избранный в ноябре 2021 г. президент Монголии У. Хурэлсух первый зарубежный визит совершил в Россию. А уже 15–17 декабря 2021 г. в Кремле состоялись российско-монгольские переговоры, включая встречу монгольского руководителя с российским президентом 16 декабря. Было отмечено отсутствие принципиальных разногласий между государствами, которым за 100 лет удалось сформировать братские, добрососедские отношения. Основной посыл сторон был связан с идеей о необходимости дальнейшего развития транзитного потенциала Монголии на транспортных, углеводородных (газовых) и энергетических (поставки электроэнергии и пр.) направлениях. Формирование Россией, Монголией и Китаем нового глобального проекта «Союз Восток» («Сила Сибири – 2») по транспортировке газа из сибирских месторождений через Монголию в Китай, а также строительство новой железнодорожной магистрали из Тувы через Западную Монголию в КНР создадут новую качественную среду развития трёх государств.

После начала российской СВО на Украине монгольское руководство заявило о полном нейтралитете и выступило против антироссийских санкций, подтвердив это рядом официальных шагов в рамках голосований на ГА ООН и других уровнях³. Ни двусторонний стратегический российско-монгольский формат, ни треугольник «Россия – Монголия – Китай» не были деформированы или разрушены американским давлением на Монголию. При этом прессинг «третьего соседа» на руководство и общество страны после 24 февраля 2022 г. значительно усилился.

В ходе официального визита российского министра иностранных дел С.В. Лаврова в Монголию и его встреч с руководством в июле 2022 г. было подчёркнуто, что «существенных различий между российской и монгольской позицией по Украине» не зафиксировано, был согласован ряд важных экономических вопросов по российским инвестициям и торговле⁴. Через месяц (4 августа 2022 г.) на монгольском полигоне «Ховд» состоялись очередные совместные военные учения «Селенга-2022», имевшие антитеррористическую направленность. В информационных сообщениях отмечалось, что в манёврах приняли участие до 1,2 тыс. военнослужащих, было задействовано около 300 единиц боевой техники⁵.

Украинские события повлияли на поляризацию монгольского общества, в котором явно увеличилась «прозападная часть», сформировавшаяся ещё в 1990-е гг. на волне стратегического партнёрства с «третьим соседом» и западных демократических реформ. В настоящее время эта группа, представленная частью интеллигенции, работавшей или учившейся в США, Европе, Японии, отдельными политиками (депутатами Хурала,

² Железняков А., Родионов В. Монголия стремится стать азиатской Швейцарией. 01.10.2019 // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariy/> (дата обращения: 17.08.2022).

³ Хулан Э. Украины дайн ба Монголын сургамж [Уроки украинской войны и Монголия]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/301975> 2022-08-10 (дата обращения: 17.08.2022). (На монг.).

⁴ Главы МИД Монголии и России провели официальные переговоры. 05.07.2022. URL: <https://montsame.mn/ru/read/300305> (дата обращения: 10.10.2022).

⁵ Стартовали совместные российско-монгольские военные учения «Селенга-2022». URL: <https://ria.ru/20220804/ucheniya-1807123551.html> (дата обращения: 10.10.2022).

чиновниками), журналистами и блогерами, выступает с критикой России и её действий на Украине. В социальных сетях и СМИ они заявляют о необходимости разрыва отношений с Москвой и военно-политического сближения с США, которые, по их мнению, могут реально защитить Монголию от посягательств «держав-соседей» (РФ и КНР)⁶.

Другая часть населения, представленная в основном более старшим поколением, занимает пророссийскую позицию, подчёркивая и объясняя своим оппонентам причины СВО, роль НАТО и специфику киевского режима, включая ссылки на традиционные, партнёрские отношения России и Монголии, исторические связи и роль «северного соседа» в экономическом строительстве МНР/Монголии⁷. Существуют также группы нейтрально настроенных граждан, как к России, так и к США и Западу в целом. Эта прослойка выступает за «нейтралитет», аргументируя свою позицию необходимостью укреплять монгольский суверенитет и независимость в рамках патриотических ценностей⁸.

Китайско-монгольский формат

С 2013 г. в российско-монгольских отношениях значительно усиливается китайский фактор, который системно входит в совместные транспортные и инвестиционные проекты двух стран. В КНР российско-монгольские инфраструктурные и углеводородные проекты постепенно встраивают в китайскую стратегию «Одного пояса и одного пути», включая использование ресурсов сопредельных китайских регионов⁹.

Учитывая прочные позиции западных (англо-американских, канадских) и японских компаний на монгольском инвестиционном рынке в 1990-е гг., закрепившихся здесь на волне большой донорской помощи и популярности «демократических стандартов» и «ценностей», китайскому бизнесу в тот период с большим трудом приходилось пробиваться к новым монгольским проектам.

Руководство и бизнес КНР при вхождении на рынок Монголии учитывает традиционные антикитайские настроения местных элит и общества в целом. Распространённым явлением остаётся аннулирование монгольскими властями результатов отдельных конкурсов по

⁶ Орос-Украин: Дайн & Кинжалын үлгэр [Россия и Украина. Повесть о ноже и кинжалах]. 23.03.2022. URL: <https://www.sonin.mn/blog/sukhbaatar/128868> (дата обращения: 06.10.2022). (На монг.); Оросын тал Украинд явуулж буй “цэргийн тусгай ажиллагаа” – ныхаа хүрээг хумих болсноо мэдээлжээ [Россия объявила о снижении масштабов своей «специальной военной операции» на Украине]. URL: <https://ikon.mn/n/2i6f> (дата обращения: 06.10.2022). (На монг.).

⁷ Орос, Украина асуудлын гол гогцоо юу байв? [В чём была главная проблема России и Украины?]. URL: <http://mongolcom.mn/read/13895> (дата обращения: 06.10.2022). (На монг.); Давааны цаадах даваа буюу “Дайн ба Монгол” [Перевал за перевалом или «Война и Монголия»]. 28.02.2022. URL: <https://medee.mn/p/167906> (дата обращения: 06.10.2022). (На монг.); Орос-Украины дайн Монголын эдийн засагт хэрхэн нөлөөлөх вэ? [Как российско-украинская война влияет на экономику Монголии?]. URL: <https://www.presscenter.mn/Niigem/ediin-zasag/oros-ukrainii-baidal-ediin-zasagt> (дата обращения: 06.10.2022). (На монг.).

⁸ Украины «явдал» vs Монгол-Зөвлөлтийн найрамдал [Украинские события против монголо-советской дружбы]. URL: <http://www.baabar.mn/article/ukrainii-yawdal-vs-mongol-zuwultiin-nairamdal> (дата обращения: 06.10.2022). (На монг.).

⁹ 吴云勇, 王炳峰. 中俄区域经贸合作面临的机遇、存在的问题及优化建 [У Юньюн, Ван Бинфэн. Возможности, существующие проблемы и предложения по оптимизации китайско-российского регионального торгово-экономического сотрудничества]. URL: <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/61663.shtml> (дата обращения: 10.10.2022). (На кит.).

месторождениям угля и других полезных ископаемых в пользу компаний «третьего соседа»¹⁰.

К 2010 г. в монгольском внешнеторговом обороте резко увеличивается китайская доля в экспорте (около половины) и импорте (четверть поступлений). Объём двусторонней торговли вырос в десятки раз. Монголия полностью переориентировала свои угольные и медные поставки на китайский рынок. КНР занимает первое место в её внешнеторговом обороте, который в 2021 г. равнялся 10 млрд долл.

«Один пояс, один путь»: монгольское измерение

После запуска в 2013 г. сухопутной инициативы «Один пояс, один путь» руководители России, Монголии и КНР на Ташкентском саммите ШОС в 2016 г. подписали программу создания экономического коридора, которая предполагает трёхстороннюю кооперацию в торговле, инвестициях, инфраструктуре и энергетике [Борисов, Дондоков, Намжилова 2017].

В КНР просматривалось два субрегиональных варианта развития коридора «Россия – Монголия – Китай». Первый – экономическое развитие приграничной провинции Хэйлунцзян с ориентацией на российский Дальний Восток и углубление трансграничных коридоров с выходом на Транссиб [Ставров 2017: 39–41, 44]. Второй – подключение другого сопредельного региона Цзилинь и на его основе перезапуск давнего коллективного туманганского проекта России, Китая, Монголии, двух Корей и Японии¹¹.

В течение 2017 г. монгольское и китайское руководство в двусторонних форматах уточнили параметры стыковок монгольского проекта «Степной Путь» и китайской инициативы. Очевидно, что монгольская часть сопряжения встраивалась в долговременную стратегию КНР [Лузянин 2021].

Руководители Монголии посещали Китай в 2019 и 2020 гг. Повестки переговоров в основном касались упрощения монгольского транзита через китайскую территорию с выходом в морские порты, а также помощи КНР в борьбе с бушевавшей тогда в обоих государствах пандемией. Одновременно Си Цзиньпин предоставил отсрочки Монголии по текущим платежам [Там же].

Очевидно, что при всех кредитных и иных рисках для Улан-Батора запуск китайской инициативы создал ряд дополнительных возможностей для развития транспортной и энергетической инфраструктуры. Монголо-китайская часть сопряжения и институционально, и концептуально стала частью китайского «шёлкового» мегапроекта.

Заключение

Эволюция двусторонних российско-монгольских отношений от союзнического формата 1960-1980 гг. к современному стратегическому партнёрству была обусловлена

¹⁰ 王惟昉. 矿产资源富饶的蒙古, 为何沦落到今日这番田地 [Ван Вэйян. Почему Монголия, богатая полезными ископаемыми, превратилась в то, чем она является сегодня?]. URL: https://www.guancha.cn/WangWeiYang/2017_10_04_429770_2.shtml (дата обращения: 10.10.2022). (На кит.).

¹¹ 沿中蒙俄开发开放经济带发展规划 (2018年-2025年) [План развития экономического пояса и пути Китая, Монголии и России (2018–2025 гг.)]. URL: http://jldrc.jl.gov.cn/zcfb/zcfg/201907/t20190729_6014824.html (дата обращения: 10.10.2022). (На кит.).

сменой эпох, изменением идеологического содержания российской и монгольской моделей. Фактически, отношения стран вышли в 2000-е гг. на сбалансированный, взаимовыгодный, дружественный и добрососедский уровень. Историческая память монгольского народа работает на укрепление позитивного образа России в новых монгольских поколениях. Празднование 100-летнего юбилея российско-монгольских отношений это ярко подтвердило.

По уровню экономического влияния Китай значительно превосходит западных и восточных, включая Россию, партнёров в Монголии. Фактически за 10 лет внешний торговый баланс и инвестиционные проекты страны в основном были переориентированы на КНР. Катализатором усиления китайского влияния стала инициатива «Один пояс, один путь», которая выбрала монгольские транспортные проекты в рамках монголо-китайского «сопряжения». Для Монголии в отношениях с Пекином ситуация амбивалентна, с одной стороны, растёт финансово-кредитная задолженность и соответствующие риски, с другой, появляется целый спектр новых экономических, транспортных и энергетических возможностей для развития и модернизации страны.

В контексте региональной безопасности определённым вызовом, несмотря на нейтральную позицию Улан-Батора на украинские события, остаётся американский сценарий усиления военно-политического давления на монгольское руководство с целью демонтажа стабильных трёхсторонних связей РФ, КНР и Монголии. Монгольское руководство, несмотря на растущее давление США, не готово пойти на подрыв региональной стабильности в треугольнике и отказ от стратегического партнёрства с северным (Россия) и южным (Китай) соседями, в том числе и по экономическим соображениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базаров В.Б. Стратегическое партнёрство во внешней политике Монголии // Власть. 2019. Июнь. С. 302–308.

Батчулуун Б. Российско-монгольские отношения: реальность, проблемы, перспективы // Международные отношения. 2020. № 4. С. 39–57.

Борисов Г.О., Дондоков З.Б., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания // ЭКО. 2017. № 5. С. 98–106.

Ганзориг Д. К вопросу об урегулировании задолженности Монголии перед Российской Федерацией // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. С. 220–229.

Железняков А.С. Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь Мир, 2016. 259 с.

Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновлённого мира. М.: Весь Мир, 2018. 378 с.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2003. 357 с.

Лузянин С.Г. Треугольник «Россия – Монголия – Китай»: исторические и современные трансформации // Восток. 2021. № 5. С. 141–152.

Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 7. С. 73–86.

Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XX века. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009. 274 с.

Ставров И.В. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлуцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (79). С. 36–48.

Шурубович А.В., Пылин А.Г. Роль России в экономике и внешнеэкономических связях Монголии в современных условиях // ЭКО. 2021. № 4. С. 169–180.

REFERENCES

Batchuluun B. (2020). Rossiysko-mongolskie otnosheniya: realnost, problemy, perspektivy [The Russian-Mongolian Relations: Reality, Problems, Prospects]. *Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations]*, 4: 39–57. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33814 (accessed: 08.11.2022). (In Russian).

Bazarov V.B. (2019). Strategicheskoe partnerstvo vo vneshney politike Mongolii [Strategic partnership in the foreign policy of Mongolia]. *Vlast' [Power]*, 6. 304 p. (In Russian).

Borisov G.O., Dondokov Z.B., Namzhilova V.O. (2017). Ekonomicheskij koridor Kitay – Mongoliya – Rossiya: rezhim ozhidaniya [Economic corridor China – Mongolia – Russia: standby mode]. *ECO Journal* 5: 101–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-rezhim-ozhidaniya/viewer> (accessed: 08.11.2022). (In Russian).

Ganzorig D. (2001). K voprosu ob uregulirovanii zadolzhennosti Mongolii pered Rossiyskoy Federaciey [On the issue of settling Mongolia's debt to the Russian Federation]. In *Rossiya i Mongoliya: novyi vzglyad na istoriyu vzaimootnosheniy v XX veke [Russia and Mongolia: a new look at the history of relations in the 20th century]*, Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, pp. 220–229. (In Russian).

Luzyanin S.G. (2018). Rossiya – Kitay: formirovanie obnovlennogo mira [Russia – China: the formation of a renewed world]. *Ves' Mir [Whole World]*, 378 p. (In Russian).

Luzyanin S.G. (2003). Rossiya – Mongoliya – Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg. [Russia – Mongolia – China in the first half of the 20th century. Political relations in 1911–1946], Moscow: IDV RAN [IFES RAS]. 357 p. (In Russian).

Luzyanin S.G. (2021). Treugol'nik “Rossiya – Mongoliya – Kitay”: istoricheskie i sovremennye transformacii [“Russia – Mongolia – China”: historical and modern transformations]. *Vostok [East]*, 5: 141–152. (In Russian).

Makarov A.V., Makarova E.V., Andreev A.B. (2020). Vneshneekonomicheskie otnosheniya Mongolii na sovremennom etape [Foreign economic relations of Mongolia at the present stage]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]*, 7: 73–86. (In Russian).

Rodionov V.A. (2009). Rossiya i Mongoliya: novaya model' otnoshenij v nachale XX veka [Russia and Mongolia: a new model of relations at the beginning of the 20th century], Ulan-Ude: BNTs SB RAS Publishing House. 274 p. (In Russian).

Stavrov I.V. (2017). Ekonomicheskij koridor Kitaj – Mongoliya – Rossiya v strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya provincii Heylunczyan [Economic corridor China – Mongolia – Russia

in the strategy of socio-economic development of Heilongjiang Province]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs policy of Russia in the Far East], 2 (79): 36–48. (In Russian).

Shurubovich A.V., Pylin A.G. (2021). Rol' Rossii v ekonomike i vneshneekonomicheskikh svyazyah Mongolii v sovremennykh usloviyakh [The role of Russia in the economy and foreign economic relations of Mongolia in modern conditions], *ECO Journal*, 4: 169–180. (In Russian).

Zheleznyakov A.S. (2016). Mongolskaya civilizaciya: istoriya i sovremennost. Teoreticheskoe obosnovanie atlasa [Mongolian civilization: history and modernity. Theoretical substantiation of the atlas]. *Ves' Mir* [Whole World]. 259 p. (In Russian).

* * *

Ulagpan Y. (2021). Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges for Mongolia. *The Asia-Pacific Journal*, vol. 19, no 3 (3). URL: <https://apjjf.org/-Yelif-Ulagpan/5533/article.pdf> (accessed: 10.10.2022).

Поступила в редакцию: 27.10.2022

Финальная версия: 28.10.2022

Принята к публикации: 15.11.2022

Received: 27 October 2022

Final version: 28 October 2022

Accepted: 15 November 2022